

СЫЩИКИ

45-ГО

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Сыщики 45-го

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Сыщики 45-го / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2020 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

Вернувшийся с фронта капитан Алексей Черкасов назначен на должность начальника уголовного розыска одного из крупных райцентров. За последнее время здесь совершено сразу несколько дерзких преступлений: ограблено отделение Госбанка, расстреляна сходка воровских авторитетов, перебита правительственная комиссия, приехавшая с проверкой на завод... Бандиты владеют ситуацией, они жестоки, решительны, умны и хладнокровны. Не исключено, что это агенты Абвера, оставшиеся в городе для подрывной работы. Неизвестно, на сколько бы затянулась эта война, если бы капитан Черкасов случайно не встретил странного человека, оказавшегося ценным свидетелем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Шарапов

Сыщики 45-го

© Шарапов В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава первая

Состав дернулся, закрипел, вагоны лениво пришли в движение – потащились мимо безымянного полустанка, на котором торчали минут двадцать, пропуская эшелон. Поезд был старый, скрипучий, сформированный из чего попало: общие вагоны, плацкартные, несколько теплушек и даже пара санитарных вагонов, списанных с баланса военного ведомства.

Состав ускорился, колеса бодро застучали по стыкам. Вернуться в график было невозможно, но машинисты старались.

В стареньком плацкарте царила духота – окна не открывались. Народу было – как килек в банке. Большинство уже проснулись – восемь утра. Плакал ребенок, ворчали небритые мужики. Лохматый тип в тельняшке заразительно зевал, почесывая волосатую грудь.

– Мужчина, не тычьте мне в нос свой рваный носок, – возмущалась женщина. Сдавленно хихикал пошловатый сосед: не то, мол, тычешь, товарищ, и не туда. Начинались хождения, кто-то собирал вещи. Выстраивалась очередь у санузла в конце вагона. Второй туалет в другом конце по старой доброй железнодорожной традиции, был недоступен простым смертным.

Пассажирский поезд следовал из Москвы в Минск. Перед рассветом был Смоленск, стояли минут сорок по техническим причинам. До прибытия на станцию Уваров оставалось полчаса. Стоянка – пять минут, а следующая – за административной границей Белорусской ССР.

Алексей поднялся, спустился с боковой полки, таща за собой вещмешок. Глянул на массивные командирские часы марки «Победа», их теперь помимо циферблата оснащали еще и календарем: 26 мая 1946 года.

Женщина лет сорока в кофте и шерстяной юбке оценила его взглядом. Этот пассажир отличался от основной массы. Затертая, но еще презентабельная кожаная куртка, под ней – брючный костюм, водолазка. Мягкие сапожки, не успевшие испачкаться. Сам осунувшийся, круги под глазами – что-то давнее и неприятное впечаталось в облик. То же в коротких волосах, тронутых сединой, – явно не по причине возраста. На столике офицерская фуражка. Но вроде не офицер, хотя и не гражданский – мутная личность...

Временами он и сам путался: кто он такой? До Победы все было ясно, а теперь, когда повсюду мирная жизнь, все стало сложнее.

Он отвернулся к окну. За полотном бежали поля и перелески, мелкие полустанки, деревушки за зеленевшими деревьями. Совсем недавно страна отметила первую годовщину Победы, уже оправлялась от войны, зализывала раны. Восстановление всего, что уничтожено, шло ударными темпами – без выходных и праздников, ценой чудовищных усилий. Оживали предприятия, строились новые, восставали из пепла города. Но приметы войны сохранялись в нищете населения, в пугливых лицах, в нехватке всего и вся, особенно продуктов. Многие деревни оставались призраками, посевные площади зарастали.

Вдоль полотна чернели воронки от снарядов, мелькала сгоревшая бронетехника, благополучно обрастающая бурьяном. Бои на Смоленщине шли тяжелые – и в 41-м, и в 43-м, когда немцев гнали обратно. Страна не могла разорваться, чтобы мигом очиститься от этих проклятых примет...

Зачесалась переносица, легкое неудобство – явно профессиональное. Алексей Черкасов отвел глаза от окна, уставился на фуражку, потом осторожно мазнул взглядом пространство вдоль прохода.

Мужик в тельняшке прекратил чесаться, скинул на пол ноги. Шушукались пожилые женщины. Рябой бородач в мятой жилетке развернул кулек с четвертинкой хлеба, осторожно пристроился к столу, чтобы не рассыпать крошки. На него смотрела с верхней полки девочка с косичкой. Молодая женщина в берете и тонком пальто обложилась вещами – объемным свертком и облезлой сумочкой. Очевидно, выходила в Уварове, решила подготовиться заранее.

У женщины было приятное личико и большие глаза. Она заслонила сумку плечом и пересчитывала в кошельке деньги, думая, что ее никто не видит. Но видели все. Особенно художочный тип, сидящий в соседнем отсеке. Он моргал, щурился, мимика его неприятного лица постоянно менялась. Он то и дело потирал костяшки кулака, украшенные выцветшей татуировкой.

Тип вперился в девушку, потом шмыгнул носом и отвел глаза. Блатной просчитал и зафиксировал клиента, и даже примерную сумму в кошельке. Несколько червонцев, пара купюр посolidнее – их называли билетами Государственного банка СССР. Рубли, пятерки, трешки – это государственные казначейские билеты.

Девушка затолкала кошелек на дно сумки, посмотрела по сторонам – в принципе, пуганая, хотя и наивная. Для опытного вора – желанная фигура. Моргун уже тарасился в пол, на губах блуждала ехидная ухмылка. Правильно подготовить клиента – половина дела.

На Черкасова мужичонка не смотрел – развалился, засвистел, вытянул ногу поперек прохода, о которую тут же запнулся шедший из туалета гражданин, за что и получил порцию не вполне цензурных упреков: мол, куда прешь, не видишь, люди сидят! Гражданин предпочел не связываться, да и Моргун не задержался – пару раз зевнул и заспешил по проходу в другой конец вагона. По виляющей походке – никак не пролетарий.

В хвосте вагона находился его сообщник – приземистый полноватый субъект с водянистыми глазами. Бритый череп, мешковатые штаны, отвороты рубашки поверх лацканов пиджака – при этом сама рубашка расстегнута чуть не до пупа. Характерная публика даже не пыталась закосить под порядочных. Люди опасливо поглядывали на них, теснее прижимали к себе баулы.

Воровская бригада имелась практически в каждом поезде, а то и не одна. Эту породу Черкасов знал, как свои пять пальцев.

Алексей выглянул с места: блатные шептались, Моргун кивал вдоль прохода. Решали, где лучше ее подрезать – на вокзале, в толчее, когда публика потянется к выходу? Ажиотаж создается искусственно, достаточно кого-то обругать, наступить на ногу...

Девушка пребывала в блаженном неведении. Она уложила вещи, достала потрепанную книжку с закладкой и погрузилась в чтение. У нее был симпатичный курносый нос, зеленые глаза с большими ресницами. Взгляд бегло скользил по строчкам – читала она быстро. Денис Фонвизин, «Недоросль», бытовая комедия, высмеивающая нравы буржуазного общества. Весьма прогрессивный писатель, хотя и страшился отмены крепостного права, призывал к его «умеренности», и чтобы никакой безумной «пугачевщины»...

Сообщники отправились в тамбур в противоположном конце вагона – покурить. Жертва никуда не денется.

Девушка изящно перелистнула страницу. Алексей поднялся, забросил за спину вещмешок – она и ухом не повела. Он направился по проходу – одолел наполненное пассажирами пространство, каморку проводника, не подающую признаков жизни, проржавевший титан, запертый туалет, отворил скрипучую дверь тамбура.

Блатные стояли у двери с зарешеченным окном, курили папиросы, плевались и сыпали матерками. Алексей прикрыл за собой дверь. Собеседники замолчали и вопрошающе уставились на него. Челю Моргуна омрачилось, он заморгал еще сильнее. У его напарника при ближайшем рассмотрении проявилось бельмо на глазу. Он смотрел тяжело, с вызовом.

Молчание затянулось. Человек в фуражке не собирался проходить в соседний вагон и папиросу не доставал. С интуицией у этой парочки все было в порядке.

– Вопросы, гражданин? – скрипуче оскалился приземистый и будто ненароком поворотился, облегчая доступ к предмету, пристроенному за поясом.

– Скорее ответы, – отозвался Черкасов. – В общем, так, вольная дружина. Брать вас в поезде со всеми формальностями мне почему-то не хочется. Поступим так: очень медленно

достаем ножи, бросаем на пол, потом открываем дверь и по одному сходим с поезда. При этом улыбаемся и благодарим за снисхождение. Есть еще пара вариантов. Первый: получаете промеж моргал, а дальше как обычно – суд, тюрьма, этап, солнечная Колыма. Вариант второй: пуля, деревянные бушлаты, и ничего мне за это не будет, потому что вы первыми начали. Выбирайте, граждане...

Воры переглянулись. Руки у человека в фуражке вроде пустые... Моргун облизнул губы. Второй потянулся к ремню, почесал пузо.

– И что мы тут матом смотрим? – оскалился Черкасов. – У меня заячья губа с волчьей пастью?

– Начальник, ты че борзеешь? – сипло исторг Моргун. – Мы че тебе сделали? Едем, никого не трогаем...

– Вот только баки не вколачивай, – поморщился Алексей. – Будем прыгать?

Приземистый решился – выдохнул с разворотом, выхватывая финку с костяной рукояткой, и... ахнул, получив резкий удар в живот. Нож выпал, жулик ударился спиной о дверь, застонал. Завизжал подельник, бросаясь в бой: нож он выхватить не пытался, крючковатые пальцы тянулись к горлу обидчика. Алексей вывернул их без жалости, фактически прижав к тыльной стороне ладони.

Противник взревел белугой. Алексей отпихнул его, выхватил «ТТ» из бокового кармана – так надоело пачкать руки об эту мразь! И очень некстати: распахнулась дверь, и из вагона на перекур вышел пассажир. Воплей он не слышал – поезд трясся, колеса гремели на стыках рельсов. Обнаружив под своим носом ствол, пассажир выпучил глаза, закашлялся.

– Назад! – Алексей толкнул дверь, загоняя гражданина обратно в вагон. Снова вскинул пистолет – грабители собирались воспользоваться моментом, но не успели, застыли в нелепых позах.

– Нет уж, – сказал Черкасов, – ваши не пляшут, пацаны. Еще движение не туда, и вам кранты. Дверь открываем и высаживаемся. Конечная остановка, слазь, говорю!

Он сделал зверское лицо, палец натянул спусковой крючок. Моргун задержался, вжался в угол. Здоровой рукой он нянчил пострадавшую конечность, та немела и пухла на глазах. У второго подгибались ноги, он прерывисто дышал, смотрел, как загнанный волк. Дверь проводник не закрывал, да и не смог бы – замок заклинило еще, наверное, до войны. Функционировала только защелка. Блатной косо поглядывал из-за плеча, дрожащая рука поворачивала ручку. В тамбур ворвался ветер, грохот несущегося состава. Парням не фартило – поезд неплохо разогнался. Мелькал откос, заваленный щебнем, редкие кусты за пределами железнодорожного полотна.

– Смелее, – сказал Алексей. – Есть шанс, что выживете.

– Ладно, командир, мы еще встретимся... – проворчал приземистый, – у тебя еще будет время пожалеть...

– Даже не мечтай. Проваливай, пока я не начал стрелять.

Приземистый распахнул дверь, присел, завыл от переизбытка чувств. Выжить в прыжке, конечно, можно, но вот сохранить скелет... Он выпал наружу, его тоскливый вой унесся прочь.

У Моргуна от ужаса закатились глаза. Он сползал по стеночке, бормотал: «Не трожь, сука, не имеешь права...»

Терпение лопнуло. Алексей схватил его за грудки, оттащил от болтающейся двери, а когда та от резкой встряски распахнулась настежь, вышвырнул вора из вагона. Мелькнули объятые ужасом глаза и слюна на небритом подбородке.

Черкасов убрал пистолет в карман, перевел дыхание. Осторожно высунулся наружу. Поезд шел по прямой, окрестности полотна были чисты от растительности. Первый уже скатился с насыпи и теперь валялся в нелепой позе. Вроде живой – сделал попытку подняться, но

опять упал, забился в приступе. Моргун еще летел – то бревном, то кувыркался через голову. Грохот поезда глушил их вопли.

Алексей удовлетворенно хмыкнул. Социалистическая законность в действии...

Он выпихнул ногой нож, захлопнул дверь. Заправился. Покурил. До станции оставалось немного. Потянулись городские пейзажи: дощатые строения пристанционных поселков, взорванные при отступлении немцев механические мастерские.

Когда он вернулся в вагон, там уже начиналось движение. Поезд замедлялся, въезжая на станцию. В Уварове многие выходили, народ тянулся по проходу с вещами.

Девушка в берете прижимала к груди сумочку, неловко держала под мышкой сверток, обмотанный бечевой.

Алексей сидел на месте, ждал, пока человеческая каракатица выберется из вагона, потом пристроился в спину гражданке с чемоданом, помог ей выволочь на перрон тяжелую ношу.

Главный путь был занят составом под парами – он стоял у здания вокзала, вокруг бегали люди. Высадка производилась у перрона четвертого пути. На пятом стоял еще один пассажирский состав – он следовал на восток.

Здесь былолюдно, работала пара киосков. Выход в город – через виадук, виднеющийся на горизонте. Туда тянулись пассажиры с обоих поездов, волокли чемоданы, катили громоздкие тележки.

Любительница русской классики ушла вперед, она явно спешила. Алексей тоже не планировал наслаждаться железнодорожным хаосом. Он обогнал несколько человек, пошел по краю перрона.

Погода для конца мая была так себе: дул ветерок, и пальто с куртками выглядели уместно. Станция гудела. Ругался гражданин – он спешил на отходящий поезд, оторвалась ручка от чемодана – мужчина взваливал его на себя, сгибаясь под тяжестью, а рядом прыгала женщина, визжала, что они не успеют и пропадут такие дорогие билеты!

Алексей проводил их взглядом – вроде успели, при этом вступили в перепалку с проводником. Прыгал на костылях одноногий инвалид в фуфайке, умолял кинуть ему пару монет на пропитание. Алексей поморщился, сунул в артритную ладонь мелочь и заспешил прочь, чтобы не выслушивать слова благодарности.

Измельчал народ без войны. А ведь наверняка фронтовик, имеет жилье, социальные льготы. А во что превратился, рожа пропитая!

Пиликала гармошка – еще один увечный сидел у киоска и растягивал меха. Заезженные «Три танкиста». Гармонист не попадал в ноты, но имел такую мужественную физиономию, что фальшь ему прощалась.

Какая-то разнузданная какофония – гомон, гармошка, воздух, со свистом выдуваемый из сцепных устройств. У вокзала надрывался динамик: Клавдия Шульженко исполняла «Синий платочек» – самую невоенную из всех военных песен, намертво вжившуюся в душу каждого солдата. Простые слова, человеческая теплота в голосе – и вот он – мощный психологический эффект!

Война впиталась в плоть и кровь людей, новый порядок пока не приживался. Знакомиться с девушкой не стоило – не для того он сюда приехал. Хотя... Он усмехнулся – эдак подъехать, расшаркаться: мол, мое почтение, я ваш спаситель, все такое. Ну, пусть покрутит пальцем у виска.

Шаги машинально ускорились. «Синенький скромный» берет, под которым трепетали русые кудряшки, уверенно приближался. Виадук тоже был близко. Сверток выпадал из рук, девушка перехватывала его, с плеча спадала сумочка, в которой лежал кошелек.

Навстречу вихляющей походкой шел еще один кадр. Руки в брюки, безмятежно посвистывает, козырек клетчатой кепки сдвинут на лоб. Глаза шныряют по идущим навстречу людям. Очередной «профессионал»?

Алексей перехватил его взгляд, на миг показалось, будто тип усмехнулся. Как он зацепил локтем девушку – случайно или намеренно? Просто так, чтобы сделать гадость? Она оступилась, сумка повисла на предплечье. Сверток выпал в железнодорожную решетку, которая находилась в приличной яме! Перрон был гораздо выше пути.

Типа в клетчатой кепке и след простыл – пролетел мимо и пропал. Девушка ахнула, с ужасом уставилась на сверток, валяющийся между шпалами. Хорошенькое личико сморщилось. Никто не спешил помочь, люди обходили ее, сочувственно поглядывая.

Алексей кинулся на помощь в тот момент, когда она уже собиралась спуститься за свертком.

– Девушка, подождите, я достану... – Он схватил ее за рукав, оттеснил и полез вниз. Дело несложное, кабы не пронзительный гудок, неожиданно ударивший по мозгам! По пути со стороны виадука приближался маневровый тепловоз! Машинист отчаянно сигналил. На перроне галдели люди, девушка кричала, тянула к Алексею руки.

Он вышел из ступора, засуетился. Паровоз уже рядом, гудит как сумасшедший. Это не машина, сразу не остановится. Почему не заметил? Дыхание перехватило. Черкасов схватил сверток двумя руками и выбросил его на перрон. Кинулся прочь, споткнулся об рельс, чуть не растянулся.

Это здорово взбодрило после монотонной езды в поезде! К Алексею тянулись руки – нет, не вытянут, уж лучше сам. Он схватился за край перрона, подался вверх, перекатился. И даже пара секунд осталась в запасе. Маневровый протащился мимо, красный от волнения машинист крыл Черкасова из окошка матом.

– С ума сошел, – прокомментировал ситуацию мужчина с двумя кулями. – И что, легче стало?

Народ посмеялся и снова потянулся к виадуку. Девушка бросилась за свертком, что-то забормотала. Растерянно обняла свое добро, стала ощупывать.

– Ну, зачем вы так? – проговорила она. – Спасибо вам огромное, здесь такие ценные наброски и гравюры... Даже не представляю, что бы с ними случилось...

– Значит, не напрасны были жертвы? – подмигнул Алексей. – Да все в порядке, размялся малость. Мы ведь обязаны помогать ближним?

– Да, я вам очень признательна, даже не знаю, как и благодарить... Извините, пожалуйста, я так спешу. А тут еще поезд опоздал...

– Да ради бога, разве я вас задерживаю? Будьте осторожны, барышня, берегите себя.

Она убежала, смущенная, с пылающими щеками, озиралась, явно не понимая, правильно ли поступает. Не перевелись еще в российских селениях тургеневские девушки. Он не стал ее догонять, не стал набиваться на знакомство. Некогда – дела. А городок маленький – встретятся еще...

На виадук он поднялся в гордом одиночестве. Все ушли. Наверху господствовал ветер. Все железнодорожное хозяйство было видно, как на ладони. Пять путей, и все забиты составами – пассажирскими, товарными, наливными цистернами. На первом пути у затрапезного вокзала стоял воинский эшелон с возвращающимися домой солдатами. Там тоже пиликала гармошка, бродили люди в форме, мелькали офицерские фуражки. Состав следовал на восток – через Смоленск и далее. Армия сокращалась медленно, поэтапно. Основная волна демобилизации началась лишь в феврале 46-го, три месяца назад. Государство брало на себя обязанность обустроить бывших красноармейцев, в течение месяца обеспечить работой, защитить семьи погибших. На деле так происходило не всегда. Семьи убитых и инвалидов получали кое-какую поддержку – их дома в первую очередь снабжали углем и дровами, они получали небольшие денежные суммы. Основная же масса вернувшихся с фронта не имела никаких льгот, каждый крутился, как мог. Работы в разрушенной стране было вдоволь, но не каждый мог найти себе занятие по душе.

Алексей с любопытством осмотрелся. Как же долго он здесь не был! На вокзале красовался алый транспарант: «Пятую пятилетку в четыре года – выполним!» В стране не хватало самого необходимого, но это не относилось к средствам пропаганды и агитации. Первую послевоенную пятилетку могли завершить и в четыре, и в три года. Стране не в диковинку совершать невозможное.

На севере, за железнодорожным полотном, город обрывался – станция находилась на самой окраине. Несколько кварталов частного сектора, привокзальные мастерские, склады. Далее – густые леса на много километров. На северо-западе – чудом сохранившиеся корпуса завода, до войны относившегося к наркомату химической промышленности. Там производилась оборонная продукция, действовал режим секретности; немцы в период оккупации тоже пытались что-то выпускать, но не получилось. Завод собирались взорвать, но наступление Красной армии было настолько стремительным, что от взрыва отказались и завод бросили.

Основные городские кварталы находились к югу от станции. Три главные улицы – Базарная, Советская, Конармейская – тянулись параллельно железной дороге. Их связывало множество улочек и переулков. Предприятия располагались преимущественно по окраинам. С юга четырехэтажные дома подпирал разбросанный частный сектор. За ним простирались сельскохозяйственные угодья – владения нескольких колхозов. Городок, невзирая на обилие частных домов, был компактным, считался административным центром одноименного Уваровского района. Он не был дырой. Здесь проходила железная дорога, работали предприятия оборонной промышленности. До войны в Уварове проживали тысяч тридцать жителей. Сейчас – значительно меньше, но на район у властей были грандиозные планы...

Девушка давно убежала. Он пожалел, что не спросил ее имени. Тронутся эшелон, динамик на столбе разразился «Прощанием славянки». С запада приближался товарняк – его пропустили по свободному пятому пути.

Алексей выбросил папиросу, собрался было идти в город.

– Минуточку, гражданин, предъявите документы! – прозвучал суровый окрик. Черкасов с удивлением обернулся. По лестнице виадука поднимались два милиционера в мешковатых шинелях. У одного была расстегнута кобура.

– Вы мне? – удивился Алексей. – В чем дело, сержант?

– Без разговоров, гражданин! Предъявите документы!

Алексей пожал плечами и медленно просунул руку в отворот кожанки. Милиционеры обнажили табельные «ТТ», предусмотрительно держась на расстоянии. Храбрецами они не были – у обоих вспотели лбы, побледнели лица.

Алексей неспешно вытащил бумаги. Патрульные немного расслабились. Один взял документы, отступил на шаг, второй продолжал держать Черкасова на прицеле. Сержант внимательно изучил паспорт, поколебался, сверяя оригинал с фотографией в документе, развернул направление, командировочное предписание. Физиономия милиционера вытянулась.

– Извините, товарищ капитан, – сержант вернул бумаги, козырнул. – Выходит, вы у нас будете работать?

– Именно так там и сказано, – кивнул Алексей. – С кем имею честь?

– Сержант Мошков, – представился патрульный. – Отделение районной милиции общественной безопасности. Патрулируем вокзал и его окрестности. Это мой напарник младший сержант Криницын.

Второй тоже принял строевую стойку.

– Почему такая гонка, сержант? – поинтересовался Алексей, убирая бумаги.

– Так это, товарищ капитан... – Мошков смутился. – Сигнал поступил от пассажира поезда, на котором вы прибыли... Подошел к нам, говорит, видел у вас пистолет, вы кого-то стращали в тамбуре...

– Я так и думал. Ладно, ничего страшного, гражданин проявил бдительность. Двое блатных пасли клиентов в поезде, пришлось поговорить. Все штатно, сержант, без трупов. Вам же меньше работы. Еще вопросы?

– Никак нет, товарищ капитан. Просим прощения...

– Здание милиции все там же – на Советской?

– Так точно. Советская, 34. Там и наш отдел, и... ваш, и отделение по борьбе с хищениями социалистической собственности.

– Ладно, увидимся еще... – Черкасов был не в форме, но все же козырнул и зашагал в город.

Он не был в Уварове шесть лет. За это время многое изменилось и не все в лучшую сторону. Он спустился с моста в стороне от вокзальной площади – там кипела жизнь. Площадь выходила на Базарную улицу, на нее сворачивал пассажирский автобус, набитый людьми. Граждане, прибывшие в Уваров по железной дороге, разъезжались по своим отдаленным деревням и поселкам. Автомобильное сообщение помаленьку налаживалось. Были плохие дороги, дышала на ладан техника, но перемены происходили.

Переименовать до войны Базарную улицу во что-то более «социалистическое» у властей не хватило денег. При немцах она тоже была Базарной. Приличных зданий здесь было немного – в основном двухэтажные строения. Старые, почерневшие от времени, они уныло стояли вдоль дороги и ждали своей очереди на ремонт. В домах жили люди – окна застеклены, во дворах сохло белье, доносились детские голоса. Ветхие строения стыдливо прятались за зеленеющими тополями.

Особой спешки не было. Алексей посмотрел на часы и решил пройтись.

Город проснулся, брался за работу. Спешили люди. Тащились старые полуторки, легкие «эмки». Прорычал экскаватор, занимая почти всю проезжую часть – встречным приходилось карабкаться на бордюры.

Несколько барачков отстроили заново – они красовались своей нарядной обшивкой. Бульдозер разрывал теплотрассу. Работал передвижной кран – рабочие вытаскивали из земли прожавевшие трубы.

Черкасов перебежал дорогу, пересек мостик через пересохшую Калачку. Здесь находился городской парк, который в войну фактически уничтожили. Он и сейчас смотрелся не очень, но дорожки проложили, посадили саженцы. Пленные немцы возводили новый Дом культуры вместо разрушенного старого. Урчала бетономешалка, строители укладывали цокольный этаж. Серые небритые лица, выцветшие гимнастерки цвета «фельдграу», рваные сапоги. Они машинально делали свою работу, почти не разговаривая. Статус этих людей не менялся уже больше года. Их кормили, содержали в сносных условиях, но домой не отпускали. Рабочая сила – практически дармовая. Охрана символическая, куда им бежать? Зато работники добросовестные: все сделают, лишнего не попросят. Их еще и развлекали! Динамик на столбе исполнял игривые и политически нейтральные песенки на немецком языке. Последние, впрочем, сменились привычной «Землянккой». А дальше заиграл гимн СССР «Союз нерушимый» – сравнительно новое произведение.

Хотелось тишины и покоя. Алексей миновал парк, прошел вдоль нескольких барачков. Следующее здание от дороги отделяла вереница старых деревьев. Район оставался неразрушенным, что тут разрушать? Затрапезные двухэтажки – отваливалась штукатурка, обнажался худой брус с утеплителем. Два подъезда в здании.

Черкасов стоял у того, что слева, исподлобья смотрел на окна. Сердце защемило, непросто долго он тут не был... Сохранилась старая табличка, на которой еще читался адрес: улица Базарная, 60. Дом производил гнетущее впечатление. Но здесь было тихо – старые тополя глушили звуки улицы. У второго подъезда стояла помятая «эмка». В песочнице на дет-

ской площадке возились малыши под присмотром пожилой женщины в платочке. Появление незнакомца не осталось незамеченным – старушка устремила в его сторону бдительный взор.

Сушилось белье на распорках. Мусорные баки исторгали специфический аромат. Здесь тоже проживали счастливые советские люди, строящие под руководством партии райскую жизнь на земле...

Он вернулся на дорогу, дошел до ближайшего переулочка, который вывел его на Советскую улицу. До середины 20-х годов она была Кузнецкой, потом решением местного райисполкома улицу переименовали в Советскую. При немцах ее называли Ратушной, а когда оккупантов турнули, основную городскую артерию вновь нарекли Советской – теперь уже навсегда.

Здесь стояли добротные кирпичные дома, многие из них тянулись вверх аж на четыре этажа. Жить в этом районе считалось почетно. Здесь концентрировались административные здания, городская типография, почта, парикмахерская, магазины, развлекательные заведения, включая пару ресторанов и несколько кафе.

Алексей с удивлением обнаружил, что ресторан «Былина» работает и сейчас, впрочем, на двери висело объявление, что заведение открывается только в шесть вечера. Здание бывшего райкома было в строительных лесах.

Самосвал сливал в короб жидкий бетон. Короб оседлали строители с лопатами. Тоже мрачные и серые, но уже без немецкой формы. «Перемещенные лица», – догадался Алексей. Так называли людей, перемещенных в годы войны за пределы СССР. Военнопленные, узники концлагерей, оstarбайтеры – все угнанные в Германию. После войны они возвращались, их было не меньше пяти миллионов. Радость была недолгой – их поразили в правах, подвергали репрессиям, объявили изменниками. Отправили в колымские лагеря, но не всех – рабочие руки требовались и в Европейской части СССР. Вернувшихся людей использовали на восстановление народного хозяйства, которое шло стремительными темпами...

Черкасов смотрел, вспоминал... В начале 40-х махровый враг народа, разоткровенничавшийся на допросе, использовал термин «рабы социализма». Критиковал советскую власть за то, что она осуждает миллионы людей по вздорным поводам, а потом использует их на «великих» стройках, мол, за счет этого страна и может хоть чем-то похвастаться. Не было бы зэков – не было бы и успехов. Махровый был враг, самый настоящий противник социализма, но иногда Черкасова посещала мысль: а ведь он в чем-то прав! Производство держалось на миллионах осужденных. А теперь их заменили перемещенные лица и военнопленные – те же самые миллионы...

О большой политике Алексей старался не задумываться. В ней много неясного, противоречивого и опасного...

В добротном здании работала булочная. Очередь тянулась на улицу. В основном пожилые женщины, старики, мужики на костылях. Очередь продвигалась быстро, но короче от этого не становилась. Подходили другие, становились в хвост. Хлеб был не лучшего качества – какие-то серые «кирпичи», но все же настоящий хлеб – не то, чем кормили в войну. Карточную систему еще не отменили, хотя разговоры об отмене шли давно. Продовольствия на всех не хватало – убыль населения не сократила количество голодных ртов. Зарплаты маленькие, а цены на базарах и в магазинах потребкооперации – просто издевательские. Очередь продвигалась. Люди семенили мелкими шажками. Подходили другие, спрашивали, есть ли смысл стоять? Им в ответ пожимали плечами – кто же знает? Стойте, может, и повезет.

Внимание Алексея привлекли двое сутулых мужиков в коротких фуфайках. Они брели по противоположной стороне улицы, курили папиросы и друг с другом почти не разговаривали. Оба в кепках, бритые затылки, какие-то надписи белым на груди. Исподлобья смотрят по сторонам.

Женщина, идущая навстречу, ускорила шаг, опустила голову. Мужики посмотрели ей вслед, перекинулись парой слов. Вроде без пошлостей. Постояли возле «булочной» очереди,

но решили не вставать, отправились дальше. Люди отворачивались от них, а те и не лезли с разговорами.

Один покосился на Черкасова, Алексею почудилось что-то знакомое. Или нет? Он засомневался. Мужик угрюмый, небритый, глаза ввалившиеся. Задержал взгляд, нахмурился, но быстро отвел глаза, втянул голову в плечи.

Из переулка вывернул вооруженный патруль. Мужики в фуфайках и ухом не повели. Проигнорировать такую колоритную пару бойцы не могли – остановили, потребовали документы. Те предъявили свернутые вчетверо бумаги, стали терпеливо дожидаться, пока старший патруля их изучит. Наконец бумаги вернули, патруль отправился дальше.

Один из мужиков сунул бумагу за пазуху, отыскал взглядом Черкасова, ссутулился еще больше. Потом оба свернули в переулок.

Алексей не стал их догонять – не было причины. Мало ли знакомых? Были и хорошие, и такие, что лучше не вспоминать.

Массивное трехэтажное здание находилось в глубине дикого сада и со стороны выглядело невзрачным. Соседствующие здания райкома и райисполкома выглядели куда представительнее. Но адрес подтверждался – Советская, 34. И новая табличка над дверью: «Районный отдел милиции. МВД СССР». Пока что непривычно и как-то... по-буржуйски. 15 марта текущего года Пятая сессия Верховного Совета СССР приняла закон о преобразовании Совета народных комиссаров в Совет министров. И все наркоматы, соответственно, стали министерствами, в том числе и ведомство, отвечающее за внутренние дела.

– Вы к кому? – спросил вооруженный пистолетом милиционер, подозрительно разглядывая вошедшего. Насторожились и автоматчики на углу здания – форму войск НКВД по охране тыла пока не изменили.

– Я – к себе, – объявил Алексей, протягивая документы.

– Будете новым начальником уголовного розыска? – Охранник изучил документ и сразу подобрался. В глазах мелькнуло сочувствие.

«Должность расстрельная, – угадал его реакцию Черкасов. – Оттого и отношение уважительное – как к покойному».

– Буду, – согласился он, складывая вчетверо еще не помявшееся направление. – Виктор Андреевич Черепанов на месте?

Глава вторая

– Вот и замечательно... – добродушно бубнил пожилой плечистый майор с одутловатым лицом и живописными кругами под глазами. – Именно вас, Алексей Макарович, нам так и не хватало... Да вы присаживайтесь. Чаю хотите? Агнесса Львовна сейчас принесет...

– Если можно, в другой раз, товарищ майор, – Алексей присел на предложенный стул, украдкой потянул носом. Запаха не было – стало быть, неважный вид начальника милиции объяснялся чем-то другим.

– Как скажете, Алексей Макарович, как скажете... – Майор Черепанов вчитывался в текст служебного предписания. – Стало быть, вас к нам перевели из Отдела уголовного розыска Главного управления милиции.

– Из Главного управления по оперативному розыску, – поправил Черкасов. – А что касается названного вами отдела, то его в природе уже не существует – в прошлом месяце переименован в Управление уголовного розыска при ГУМ МВД.

– Отсталые мы, – хмыкнул Черепанов. – Непривычно пока, инерция работает. Наркоматы переделали в министерства, а вот про МВД РСФСР как-то не слышали – нет такого – пока, по крайней мере. Отсюда и путаница. С участковыми тоже проблема – упразднили должности городских участковых инспекторов, теперь они – участковые уполномоченные для работы на определенном участке территории. В бумагах неразбериха, а в повседневной работе что изменилось?

– Все остается по-прежнему, – улыбнулся Алексей, – борьба с бандитизмом и всеми видами уголовных преступлений.

– Работаем, Алексей Макарович. Ни выходных, ни света белого не видим. Бывает, и ночевать приходится на рабочем месте. Вы навсегда к нам?

– Пока неизвестно, – пожал плечами Алексей. – Назначение адресное – под выполнение конкретной задачи. Вы, конечно, догадываетесь, какой именно. А там поглядят – в столицу меня или здесь оставят.

– Ну, и как оно в столице? – поднял глаза Черепанов. – Мы ведь совсем не в курсе, словно на другой планете живем. До столицы семьсот верст, а кажется, что многие тысячи...

– Спасибо, Москва живет и здравствует. Восстанавливаем народное хозяйство, боремся с бандитизмом и воровством – все, как у людей. А у вас приличное здание. – Алексей повертел головой, озирая скудно обставленный, но просторный кабинет.

– Площади роскошные, – согласился Черепанов. – Вот только людей мало. Текучка большая, сами понимаете...

«Текучка по не зависящим от людей причинам», – мысленно сделал вывод Алексей и уставился на карту района, висящую на стене.

– Только на прошлой неделе двоих потеряли, – удрученно добавил Черепанов. – И это только в вашем отделе уголовного розыска.

Алексей поднялся со стула, подошел к карте. Явно не старая, но уже вся испещрена значками, подписями и непонятными закорючками. Видно, местным «полководцам» частенько приходилось над ней корпеть. Уваровский район – небольшой. Запад Смоленской области – районный центр, клочок стратегически важной железной дороги и ряд незначительных населенных пунктов.

Сам Уваров отражался в полном виде – основные улицы, значимые объекты, включая предприятия, вокзал, электростанцию и даже городскую тюрьму в восточном тупике Базарной улицы. Тюрьма, насколько помнил Черкасов, использовалась всегда, невзирая на удаление от райотдела, ее использовали и царские жандармы, и сотрудники НКВД-ОГПУ, и гестапо, и снова НКВД-МВД, плюс примкнувшее к ним МГБ...

– Опишите в двух словах обстановку, Виктор Андреевич.

Майор выбрался из-за стола, вооружился указкой и подошел к карте. Что-то подсказывало опытному работнику, что столичный назначенец только формально числится его подчиненным, и лучше не лезть к нему с приказами и наставлениями.

– Вам же требуется объективная оценка, Алексей Макарович? Тогда извиняйте, все как есть. Пашем, как проклятые, спим урывками. Сотрудники выходят на работу каждый день. Штат отделения не укомплектован, сотрудники постоянно выбывают. До войны в Уварове проживало порядка 30 тысяч населения. Два года назад, когда прогнали немцев, здесь и шести не осталось. Сейчас население, конечно, выросло. Люди прибывают с востока, с запада – я имею в виду восточную Белоруссию; молодежь приезжает на стройки по комсомольским путевкам... Не все так плохо, – подытожил Черепанов. – В большинстве зданий есть электричество, в половине домов – канализация и водопровод. За год вернулись полторы тысячи демобилизованных, практически всем нашлись работа и жилье. Восстановили льнозавод, – указка ткнулась в карту, – запустили элеватор, фабрику по производству автомобильных покрышек, цементный завод, завод по производству железобетонных изделий в Авдотьином переулке. А ведь еще два года назад все лежало в руинах... На бывшем химзаводе... – указка дрогнула и показала место к северо-западу от города, – одно время работала комиссия из столицы, там сейчас работы не ведутся, но действует режим секретности, объект охраняется – его курирует, если не ошибаюсь, МГБ, к нашему ведомству это не имеет отношения, о чем нам неоднократно напоминали...

– Вы сами местный, Виктор Андреевич?

– Нет, я два года как здесь. Получил назначение из Саратова, где возглавлял милицию на железнодорожном транспорте. Дали дом на Зыряновской улице, это в трех шагах от отделения, со мной проживает супруга Елизавета Юрьевна. Сын у нас один, полгода назад ему исполнилось восемнадцать, сейчас проходит службу в Приморье...

«И до сих пор живы и при должности, – отметил про себя Черкасов. – В чем секрет выживания?»

– Здесь, под Барышевом, у нас учреждение ГУЛАГа, – указка сместилась в юго-восточный край карты. – До войны там была колония для уголовных и политических. В июне 41-го контингент эвакуировали на восток, а в июне 45-го учреждение снова, так сказать, заработало... Отремонтировали бараки, построили новые. Работал Особый отдел – фильтровали перемещенных лиц. Одних изменников оставляли в лагере, других отправляли в Сибирь, самых злостных пускали в расход, гм... В Барышеве все налажено и функционирует, у них свое начальство. Есть бараки для врагов народа, для уголовников, там же содержат пленных немцев. Ближе к городу – колония-поселение – народ социально неопасный, и режим помягче. Кое-кого переводят в разряд бесконвойных – у них вообще не жизнь, а удовольствие... – Черепанов усмехнулся в жиденькие усы. – Работают в городе, неплохо получают, шатаются, где хотят, лишь бы прибыли в барак до вечерней поверки. Там автобусное сообщение, пятнадцать минут езды до автостанции, что на Конармейской. Так что если увидите эту публику в городе, не удивляйтесь. Они мирные, не шалят – понимают, что вольная жизнь в любую минуту может оборваться... Так что, по крупному счету, не все плохо, Алексей Макарович. Порядок поддерживаем, с проявлениями, не типичными для советского строя, боремся. С продуктами неважно, но над этим вопросом специальные службы работают, уже действуют совхозы и колхозы, заключаются договоры с потребкооперацией. Работники предприятий и других государственных заведений снабжаются карточками, которые, в принципе, несложно отоварить...

Последнее высказывание Алексей оставил без комментариев. С продуктами было тяжело, но все же не критично – по крайней мере в западных областях РСФСР. В Поволжье снова начинался голод, на Украине – голод, по сравнению с ними, на Смоленщине все было неплохо.

– Жизнь налаживается, и это бесит наших врагов, – не без пафоса сообщил Черепанов. – На предприятиях выросла зарплата, что явно говорит о растущем благополучии тру-

дящихся. Немного, на полтора-два процента, но выросла... Работают школы – у нас полная вовлеченность подрастающего поколения в процесс образования. Дом культуры в состоянии перестройки, он временно занимает часть здания Райпотребсоюза. При нем Дворец пионеров, работают кружки, секции по интересам. Налаживаются партийная и комсомольская жизнь – на предприятиях парткомы и молодежные ячейки. Есть мысль открыть кинотеатр. Первый секретарь райкома товарищ Нестеренко лично курирует этот вопрос, и к концу года у нас точно будет кино на большом экране. С культурной жизнью, кстати, все в порядке. Есть даже свой художественный музей – в двух кварталах отсюда. Шабалин там директор, Григорий Иванович, личный друг товарища Нестеренко. Большого наплыва посетителей пока нет, и это понятно: народу не до высокого искусства, но все же – очаг культуры. «Джоконда» и прочих Ренуаров там, понятно, не выставляют, но имеется очень приличная коллекция живописцев нашей широты – и современных, и тех, что творили в темные царские времена, несмотря на гонения охранки... А что касается партийных организаций, ячейка ВКП(б) есть даже в нашем райотделе. Руководитель парткома – капитан Мясницкий. Вы член партии, Алексей Макарович?

– Пока нет, – буркнул Алексей, – вхожу в блок коммунистов и беспартийных. Об успехах поговорили... Теперь давайте о том, чем не хвастаются. Меня в последнюю очередь волнуют мелкие воришки, блатные притоны и хищения социалистической собственности, которыми занимается отдел с одноименным названием. Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать.

– Да, эта чертова неуловимая банда... – поморщился Черепанов. – Началось это две недели назад... Налет на отделение Госбанка недалеко от вокзала – убили людей, вскрыли хранилище, похитив крупную денежную сумму и уйму облигаций государственного займа... И при этом – как в воду канули – ни одного свидетеля... Потом эта курьезная встреча воровских паханов с держателями общака – делили деньги, да не успели, подкрались какие-то лихачи, вырезали блатную охрану, потом порубили в капусту всех собравшихся и – растаяли с деньгами. Блатной мир в ужасе... – Черепанов ехидно ухмыльнулся.

– Ну, за этот случай вы ведь на налетчиков не в обиде?

– Этих не жалко, – пожал плечами начальник милиции, – но где законность, скажите на милость? Пришли, увидели, порубили... По нашей информации, там было не меньше ста тысяч рублей... Третий случай – налет на ресторан «Аркадия» – это практически напротив нас... На химзаводе работала комиссия из Москвы, наши специалисты, иностранные специалисты, офицеры государственной безопасности... Ужинали в ресторане, всех прочих посетителей вежливо попросили удалиться. И снова ни одного свидетеля – кто такие, откуда, на чем прибыли. Ворвались в ресторан, учинили кровавую баню... Поваров заперли на кухне, а то и им бы досталось... Убиты администратор, два официанта и все, кто там ужинал, включая иностранцев...

Он неловко замолчал, потом с явной неохотой продолжил:

– Ваш предшественник капитан Вестовой Иван Гаврилович... На днях это было... Возможно, он что-то выяснил, хотел проверить, но не дали... Он дом снимал в Овражном переулке с женой и сыном четырех лет... Там частный сектор, с другой стороны глухой забор инфекционной больницы... Напали в три часа ночи, когда округа спала. Проникли через ограду, выбили окно, бросили в спальню две гранаты. Жена и сын погибли сразу. Иван Гаврилович выскочил на крыльцо с пистолетом, весь израненный, контуженый, так ему даже выстрелить не дали, прошили очередь... Оперативники на шум примчались, а когда высаживались, и они под огонь попали – ждали, сволочи, пока милиция приедет, выдержка у них – на зависть... Вроде отбились, но старший сержант Санько погиб... Он бессемейный был, но невеста имела, жениться собирался. – Виктор Андреевич сокрушенно вздохнул.

– Уверены, что эти преступления совершает одна и та же банда?

– Почерк один, Алексей Макарович. Внезапное нападение, горы трупов – и концы в воду. Ни улики, ни свидетелей. Вряд ли это разные банды, у нас маленький город, не уживутся они

тут. Вы лучше с подчиненными поговорите, у нас на третьем этаже комната оперов, а через нее проход в кабинет Вестового... в смысле, в ваш...

– Охарактеризуйте работников отдела.

– Так это... – майор озадачился. – Нормальные все парни, к работе подходят ответственно, стоят, так сказать, на страже... Олег Дьяченко, старший лейтенант милиции – у него со здоровьем проблемы, но работает, умный парень, – майор помялся, – бывает, выпьет, но кто из нас без греха? Сам он местный, осенью 45-го из армии демобилизовался, жену-красавицу с собой привез – она медсестрой была в медсанбате...

Коньшев Петр Антонович – это старый зубр, ему уже под пятьдесят, тоже не совсем здоров, но бегаёт. В рабоче-крестьянской милиции, считай, со дня ее основания. Потом сменил профессию, учителем литературы работал, потом опять на службу вернулся – бывает такое в нашей профессии... Он из соседнего Кштовского района, в войну партизанил, семью каратели расстреляли...

Младший лейтенант Пашка Чумаков – ну, этот балагур, молодой, палец в рот не клади. Сообразительный паренек, сам из Одессы, в войну служил в морской контрразведке...

Егор Гундарь – сам из Белоруссии, прибыл в наш город год назад, особистом служил на 1-м Украинском, тоже демобилизованный. Мрачноватый, но толковый...

Стас Вишневецкий – тоже молодой, весь из себя такой красавчик, бабы пачками под ноги падают. С Карельского фронта он, участвовал в прорыве блокады, сам из Ленинграда, там у него вся родня похоронена... Кто там еще?

Куртымов с Петровым. Оба старшие сержанты, Коля Петров – с Донбасса, Ленка Куртымов – с Вологды... Да нормальные ребята, – вынес заключение майор. – Пулям не кланяются, да и головой поварить не дураки. Это ты сам в их подноготную вникай, Макарович, – Черепанов ненавязчиво перешел на «ты». – У всех отдельное жилье в городе, в зоне пешей, так сказать, доступности от отделения, чтобы нарочный, если что, мог быстро оповестить. Гундарь жил в общежитии, но съехал на квартиру. Семейных только двое – Дьяченко и Куртымов. У первого – жена, у второго – еще и дочь восьми годков – не его, а приемная, он себе жену с уже готовым приплодом в деревне под Псковом подобрал, когда леса прочесывали...

Ладно, Макарыч, иди, разбирайся со своей армией, а у меня, извиняй покорно, своих дел куча. Агнесса Львовна тебя проводит. Нет, подожди. Пусть она тебе продуктовые карточки закажет, на довольствие в столовой поставит. Кормят у нас, конечно, не разносолами, но терпимо. Временную прописку надо сделать не позднее, чем через неделю... А потом, если что, и постоянную? – Майор подмигнул. – Теперь с жильем. Ты вообще откуда?

– Из Уварова, – улыбнулся Алексей.

– Это как? – опешил начальник милиции.

– Очень просто, Виктор Андреевич, местный я. Оттого и выбор в Москве на меня пал. Жил на Базарной в 60-м доме, здесь школу окончил. В 30-м году, после школы, отправился в армию, отслужил три года в Заполярье, демобилизовался в звании старшины. Потом три года в техническом институте. Бросил, не понравилось. Школа милиции в подмосковном Зеленограде, потом ускоренные курсы в школе НКГБ – как лицо с незаконченным высшим образованием, недолгая карьера следователя, Особый отдел. Перед войной перевели на оперативную работу, в войну служил в полковой разведке, потом опять перевод в милицию... Так всю жизнь и кочую, дома почти не был. Так, редкими наездами. Отец был инженером на цементном заводе, погиб в июле 41-го, когда с завода вывозили оборудование и в цехе случился пожар. Мама через год умерла в эвакуации на Урале – острый бронхит с летальным исходом. Меня после войны – опять в столицу. С женой развелся – да толком и не пожил с ней...

– Во как тебя закрутило, Макарыч, – сочувственно покачал головой Черепанов. – А чего мы мудрим? Я выясню, кто обитает в твоей халупе. Имеет ли он на это законное право...

– Сам выясню, – улыбнулся Алексей. – Походил вокруг дома, нет ощущения, что в квартире кто-то живет. Ладно, разберусь и сообщу.

Секретарша Агнесса Львовна, в меру упитанная дама неопределенного возраста, активно применяющая бигуди для придания женственности, отвела Алексея на третий этаж. Там был широкий коридор, несколько закрытых помещений и одна распахнутая дверь. Секретарша смерила Черкасова оценивающим взглядом, постучала в дверной косяк:

– Разрешите, Петр Антонович?

– Издеваетесь, Агнесса Львовна? – проворчали из глубины оперативного отдела. Женщина улыбнулась и вошла внутрь. Алексей – за ней.

Помещение – просто неприлично просторное. Письменные столы (Черкасов насчитал их девять) приставлены к стенам, завалены бумагами и другим хламом. Посреди комнаты – пустое пространство – можно водить кадрили и прочие хороводы. Еще одна карта на стене – близняшка той, что висела у Черепанова, и тоже с надписями, вплоть до нецензурных. Голые окна, газеты на подоконниках. Дверь в стене справа.

Слева, под картой, сидел немолодой мужчина в очках и что-то писал. Угол стола занимала печатная машинка, но он предпочитал заниматься рукописью. На спинку стула был наброшен пиджак. На мужчине была светлая рубашка и фланговая жилетка. Он мельком глянул на вошедших и снова опустил глаза.

– Это Коньшев Петр Антонович, – представила сидящего секретарша. – Прошу любить и жаловать, Алексей Макарович. Остальные, очевидно, в поле – сеют, пашут... Всего хорошего, Алексей Макарович. К вечеру подойдите, я выдам вам карточки. – Женщина хищно улыбнулась, одарила Черкасова выразительным взглядом и удалилась степенной походкой.

– Ну, и как она вам? – Мужчина оторвался от писанины, снял очки, поморгал и потянулся к пачке папирос. Ему было не меньше пятидесяти, дряблая кожа на лице и морщины на лбу старили его еще больше. Без очков он выглядел совсем несолидно.

– Кто? – спросил Алексей.

– Агнесса Львовна. – Мужчина прикурил и выпустил в потолок струю дыма.

– Вполне, – пожал плечами Алексей и покосился на дверь. Не исключалось, что Агнесса Львовна никуда не ушла, а стояла в коридоре и все слышала. Но проверять не хотелось – людям надо доверять.

– Вот и я так считаю, – хмыкнул сотрудник уголовного розыска. – Не персик уже, но пока еще и не курага... – Последние слова он произнес с исключительной задумчивостью. Потом встал и протянул узкую ладонь: – Старший лейтенант Коньшев Петр Антонович. Временно замещаю отсутствующего начальника уголовного отдела.

– Черкасов Алексей Макарович, – представился Алексей. – Тот самый начальник.

– Вот, значит, вас и замещаю, – усмехнулся Коньшев. – Эх, не задалась начальственная карьера... Я допишу рапорт, Алексей Макарович, не возражаете? Осталось немного.

– Да, конечно, работайте. – Алексей пожал плечами, еще раз осмотрелся. Дошел до двери в смежное помещение, заглянул туда.

В кабинете покойного Вестового было совсем неуютно. Колченогий шкаф, письменный стол, стоптанные резиновые сапоги в углу. И атмосфера неприятная – душно, что ли. Он вернулся в соседний зал, стал бродить, разглядывая рабочие столы. Подошел к окну, уставился на Советскую улицу за тополиной листвой. Шторы, в принципе, и не нужны. Из стены под потолком торчали голые гардины. Очевидно, шторы когда-то были, но рачительные немцы увезли их с собой. А для советского человека это явное излишество.

– Шелковые шторы и стулья барокко еще не подвезли, – подал голос Коньшев. Он ухитрился одним глазом следить за Черкасовым, а другим контролировать писанину. При этом

курил «без рук», усиленно жуя кончик мундштука. Пепел падал на стол, он смахивал его на пол ребром ладони.

– Но обещают подвезти? – поддержал шутку Алексей.

– Нет, обещают догнать и еще пообещать, – усмехнулся Коньшев. – Здесь ничего не меняется, Алексей Макарович. Денег нет у страны на всякие вздорные мелочи, вроде бытовых удобств.

Что правда, то правда. В Советском Союзе ждали новой войны – с агрессивными акулами западного империализма. Экономика оставалась милитаризованной. Промышленность народного потребления фактически отсутствовала – и вся страна существовала в примитивных бытовых условиях.

Книжному шкафу, приютившемуся в углу, было в обед сто лет. Вместо книг он был завален бумагами (возникло опасение, что все это рано или поздно придется просмотреть). На шкафу стояли две фотографии в траурных рамочках и пара стопок с водкой, прикрытых хлебными корками. Капитану Вестовому было не больше, чем Алексею. У него были умные глаза и цинично сжатые губы. Ни то, ни другое не уберегло его от бандитской пули. У сержанта Санько – улыбочивая физиономия. Глаза смотрели весело, казалось, он сейчас подмигнет.

– Не комментирую, – проворчал Коньшев. – Вы уже, наверное, в курсе.

– Да, поставлен в известность, – скупотозвался Алексей. – Где народ?

– Люди на заданиях. Куртымов, Гундарь и Петров работают по банде, которую мы никак не можем обезвредить. Вишневский убыл в общежитие льнозавода – поступил сигнал о правонарушении. Чумаков общается с информатором. Дьяченко... – старший лейтенант задумался и пожал плечами, – где-то был...

И снова взялся жевать мундштук.

– Где стол Санько?

– Там, – Коньшев кивнул в дальний угол. Потом задумчиво посмотрел, как новоприбывший осваивается на новом рабочем месте, почесал плешивую макушку. – То есть от личного кабинета вы отказываетесь?

– Да. Буду здесь сидеть и всех контролировать, а то сдастся мне, с дисциплиной в вашей войске не все ладно.

– Согласен, – улыбнулся Коньшев, – самое время подкрутить гайки. Зря вы так, товарищ капитан, – вздохнул он, – люди пашут, не зная выходных, забывают, как дом выглядит. Не всегда нам счастье улыбается, но ведь и противник силен... Вы не переживайте, скоро они все придут, они всегда приходят.

– Спасибо, утешили. Ладно, Петр Антонович, соберите мне материалы по банде, устроившей разгул в «Аркадии», и по всем остальным ее налетам. Хоть что-то у вас есть?

– А как же без этого, – проворчал Коньшев, выбираясь из-за стола. Он кряхтел и заметно прихрамывал. – Все оформлено, есть заключения баллистов и медиков, опрошены свидетели... ну, если их можно назвать свидетелями... – Он открыл шкаф, стал доставать верхние папки. – Мы сутками работали по этим делам, а все без толку. Вроде одна банда, а такой широкий диапазон возможностей... Мы взять в толк не можем – откуда они берут информацию? Ведь нужно получить исчерпывающие сведения, все спланировать, а потом исполнить, да так, чтобы никакая случайность не подвела... Пашка Чумаков недавно шутил: мол, они что, в шапках-невидимках орудуют? А почему нам не выдают? Все здесь, товарищ капитан... – Он обнял стопку папок и потащил их на облюбованный Черкасовым стол.

– У вас больная нога?

– А разве не видно? – хмыкнул Коньшев. – 44-й год. Допартизанился, так сказать. По лесу от карателей уходили, саданулся костью щиколотки о пенек – аж в баранку согнулся. Все, кричу, товарищи, меня не ждите. И лежу с «МР-40» за этим пеньком, с жизнью прощаюсь, гадаю, как бы побольше супостатов с собой на тот свет забрать. Они прут, я по ним стреляю,

от боли с ума схожу... Нашим стыдно стало, вернулись и давай эту нечисть свинцом поливать. Отогнали, их немного было. Двоих тогда потеряли, зато меня зачем-то спасли... До базы доволочки, вроде поправился, вот только кость неправильно срослась...

– Сколько вам лет, Антонович? Сорок девять, пятьдесят?

– А что? – насторожился оперативник. – Сколько есть, все мои. Полвека уже, на пенсию рано. Не жалуюсь, товарищ капитан. Молодость уже знает, а старость еще может, как говорится. Я же не танцы преподаю. А бегаю так, что молодых со свистом обгоняю... – Коньшев вернулся к своему столу, выбил папиросу из пачки «Герцеговины» и снова закурил.

– Не мешают папиросы бегу? – поинтересовался Алексей. – Вы курите, как паровоз, даже больше, чем я. А эти папиросы не такие уж дешевые. В наше время на продукты денег не хватает...

– Так это и есть продукт, – удивился Коньшев и засмеялся. – Загрузился никотином – и есть не хочется...

Мурлыча под нос «Раз пошли на дело, выпить захотелось», в помещение вошел вихрастый парень лет двадцати пяти, меньше всего похожий на оперативника. Он бы гармонично смотрелся в воровской малине или на шулерской игре.

– Привет, Антоныч, – небрежно бросил он. – Как жизнь немолодая? О, и вам доброго денечка, товарищ, – не растерялся паренек, обнаружив в комнате постороннего. Впрочем, подобрался, вынул руки из карманов и физиономию сделал не такую развязную. – Вы к нам по делу или погреться?

– Младший лейтенант Павел Чумаков, – представил товарища Коньшев. – Вот признайтесь, товарищ капитан, видно по этому оболтусу, что он служил в контрразведке Балтийского флота и даже имеет пару правительственных наград?

– А это смотря как служил и за что награды, – улыбнулся Алексей, протягивая руку. – Черкасов Алексей, прибыл на место выбывшего Вестового.

Чумаков охотно ее пожал и задумался.

– Ага, – намотал он на ус. – Теперь донесения от своих стукачей я должен передавать вам, а не ему? – кивнул он на Коньшева.

– Примерно так, – допустил Алексей, – если в них есть ценность.

– Да что в них ценного? – отмахнулся Чумаков. – Мелют чушь, которую и не проверишь, лишь бы я верил да пореже вспоминал их грехи... – Он глянул через плечо на Коньшева, хохотнул. – Эй, кто тут временные, слазь, кончилось ваше время... – и отправился к своему столу, напевая под нос: «Там сидела Мурка в кожаной тужурке...» – Письменно оформлю, товарищ капитан, не возражаете? С байданщиком одним на вокзале перетер. Сорока на хвосте принесла: блатные намерены направить в наш город целую комиссию для выяснения обстоятельств пропажи общака и гибели трех уважаемых воров в законе. Блатной мир глубоко возмущен этим безобразным инцидентом в провинциальном Уварове.

– Пусть приезжают, – пожал плечами Алексей. – Главное, чтобы к нам не забыли зайти командировку отметить. Создадим с ними «межведомственную» группу, глядишь, веселее пойдет. Пиши, Павел, свой донос, только недолго.

– Кстати, насчет Мурки в кожаной тужурке, – встрепенулся Коньшев. – Я еще молодым был, во Владимире работал. Не поверите, у нас женщина в оперативке была – Мария Климова. Толковая сотрудница, несколько раз внедрялась в бандитские группировки под другим, конечно, именем. Фартовая была. Мужики ржали, до того ее довели, что замуж вышла за первого встречного и сменила фамилию. Потом только поняли, что ее фамилия талисманом была, от пуль охраняла. Убили ее во время рейда – сунулась вперед мужиков, когда банду Талого брали, и получила всю порцию свинца, что мужикам предназначалась...

– Ты уже рассказывал эту историю, – оторвался от писанины Чумаков.

– Не всем, – назидательно сказал Коньшев и посмотрел на Черкасова.

– Признайся, Антоныч, у тебя с ней было? – оскалился Чумаков.

– Да ну тебя, болтун несчастный, – озлобился Коньшев. – Как тебя земля-то носит – не язык, а помело.

– Да, мой язык о многом может рассказать, – оскалился Чумаков и смутился, перехватив строгий взгляд начальства. – Все, заканчиваю, товарищ капитан. Мой Карась – фигура не центровая, трусоватый, боится, что пошлют ему клифт полосатый за домушничество – у меня все доказательства его преступной деятельности. Поэтому говорит все, что знает, вот только беда – знает он немного... И кто придумал эти запятые, – рассердился оперативник, – ну, не умею я их расставлять и никогда не научусь. Извиняйте, товарищ капитан, беда со знаками препинания. Признайся, Антоныч, как ты ухитряешься писать грамотно?

– Не знаю, – пожал плечами Коньшев. – Автоматическая грамотность, рука сама ведет.

– Ага, рассказывай сказки, – проворчал Чумаков, выводя размашистую подпись перьевой ручкой. – Учительствовал много лет, все правила наизусть вы зубрил... Держите, товарищ капитан. – Чумаков протянул изобилующий кляксами лист.

– Ужас, – покачал головой Алексей, – ты не в шифровальном отделе работал на Балт-флоте? Ладно, оставляй, разберусь с твоими рунами.

В комнату вошел еще один работник – в сером пиджаке поверх свитера, в выцветших армейских брюках. Он выглядел болезненно и как-то бесцветно. Буркнул что-то приветственное, положил на свой стол папку с бумагами и – запоздало обнаружил постороннего. Глухо кашлянул в кулак, потом помялся, подошел. Чувствительный нос Черкасова уловил запахок. Но глаза работника смотрели в одну точку, въедливо.

Алексей поднялся, протянул руку. Рукопожатие у сотрудника было сильным, но не сказать, что очень уверенным.

– Я правильно понял? – с натугой проговорил он.

– Думаю, да, – кивнул Алексей. – Капитан Черкасов, будем работать вместе.

– Старший лейтенант Дьяченко. Олег Дьяченко...

Он помялся и отправился за свой стол в противоположном конце зала. Сел и снова стал бросать подозрительные взгляды на нового человека. Этот парень не был добряком и имел проблемы со здоровьем – круги под глазами говорили не только о недосыпе.

– Товарища капитана прислали из Москвы, будет руководить отделом, – на всякий случай пояснил Коньшев.

– Я уже понял, – скрипнул Дьяченко. – Тогда это вам на рассмотрение, товарищ капитан, – он толкнул лежащую на столе папку. – На Железнодорожном околотке сегодня ночью была попытка взлома. Там сейф. Грабители не знали, что он пустой. Выставили оконную раму, проникли внутрь, вскрыли железный ящик и стали лить горькие слезы. Прибежал сторож, грохнул им по задницам дробью – те кубарем в окно и поминай как звали. Сторож был снайпером на 1-м Белорусском, пока миной полноги не отхватило. Лиц нападавших не увидел, по манерам и репликам вроде бы блатные... Как утомили уже эти блатные, – скрипнул зубами Дьяченко. – В натуре бесят, везде они, скоро на шею сядут...

– Вязанием займись, – покосился на него Коньшев. – Успокаивает.

Прыснул Чумаков.

– То есть все разрешилось благополучно? – предположил Алексей. – За исключением того, что преступники не пойманы?

– Ну, примерно, – пожал плечами Дьяченко. – Сторож уверяет, что у каждого в заднице теперь горсть дробин. Своими силами не выковыряют – придется обращаться к медикам. Я обзвонил больницы и медпункты, дал соответствующие указания. Будем ждать... На околотке ставят новое окно, подумывают, не завесить ли его решеткой.

– Все хотят добра, – вздохнул Конышев. – Так что пусть присматривают за своим добром. А чего угрюмый такой, Олежка? Снова с Евгенией своей поцапался? Заметь, она права: ты когда на себя в последний раз в зеркало смотрел? Подарки там дарил, от выпивки отказывался?

– Антоныч, давай без нотаций, – поморщился Дьяченко. – Уж как-нибудь разберусь со своей жизнью... Можно подумать, я от нее много требую...

«Не стоит много требовать от женщин, – подумал Алексей, – надо брать, что дают».

– Товарищ капитан, – сказал Дьяченко, – я могу, конечно, и ошибаться... Но вот смотрю я на вас и не могу отделаться от мысли, что мы с вами уже встречались...

– Плохая память, Олег, – улыбнулся Алексей. – В одной школе учились, самогонку втихушку от родителей пили, с пацанами из Нахаловки дрались. Из-за Катьки Селезневой однажды схлестнулись, помнишь? Она нам обоим понравилась, а потом разонравилась. Ты после школы в ремеслуху подался, а я в столичный регион решил съездить. Больше не виделись...

– Вот черт... – выдохнул Дьяченко. – А ведь верно, ты – Леха Черкасов, – он недоверчиво покрутил шеей. – А я сижу и гадаю, почему мне твоя физиономия такая знакомая... Прошу прощения, – он косо усмехнулся. – Вы теперь не Леха, а товарищ капитан, большой начальник и обращаться к вам следует на «вы» и шепотом...

– Еще разберемся, как ко мне обращаться, – пообещал Черкасов. – Время и жизнь покажут.

– Не понял, – моргнул Чумаков. – Так вы из местных, товарищ капитан? Ну, что ж, это скорее плюс, чем минус.

– Да без разницы, – подал голос Конышев. – Сколько вам сейчас – 34, 35? То есть вы лет шестнадцать тут не были. Дома, конечно, те же, только народ на девяносто процентов другой, понаехали тут...

– Я тоже не из местных, – бодро возвестил осанистый молодой человек, вторгаясь в помещение. Он выглядел, как из другого мира – опрятен, хорошо одет, с лучащимися глазами и щеточкой черных усов под носом. – Виноват, подслушивал. Лейтенант Станислав Вишневский, – представился он, принимая на пару секунд подобие стойки «смирно». – Из Питера я...

– Откуда? – нахмурился Алексей.

– Виноват, из Ленинграда, – Вишневский смущенно кашлянул, – просто раньше этот город назывался Санкт-Петербург, потом Петроград...

– Выражайся правильно, Стас. – Алексей протянул руку. – Почему глаза блестят? Где был?

– В общежитии льнозавода. Там у нас одни бабы живут...

– Пустили козла в огород, – подметил Дьяченко.

– Но дело не в этом, – отмахнулся Вишневский. – Мы предполагали, что там не чисто. В общем, одна из тамошних завистниц – она учетчицей работает на участке готовой продукции, страшна, как американская атомная бомба – сдала всю компанию с потрохами. По соседству с общежитием, где раньше кафе «Калинка» было, бордель работал, представляете? Несколько тружениц завода трудились там по ночам – сверхурочно, так сказать, а потом на основной работе как сонные мухи ходили. Всю контору главбух держала – «мамкой» у них была. Отдел БХСС их вскрыл – вроде и не хищения, хотя как сказать... Прибрали трех баб на самом интересном месте – сейчас сидят в участке, плачут, жалуются, что жизнь заставила, что они в душе нормальные советские женщины. И ведь долго заведение продержалось – туда и офицеры похаживали, и командированные, и всякая блатная шваль. Место, где все равны, – как на кладбище. У нас под носом дом терпимости работал, а мы и не знали... Парни в участке теперь сидят и репы чешут: что делать с этими шлюхами? У них же дети, родители, положительные характеристики и даже грамоты...

– Фу, как грубо – шлюхи, – скривился Коньшев. – У нас богатый русский язык: блудницы, развратницы, потаскухи, распутницы...

– А можно поэтично – мессалины... – с толикой мечтательности вымолвил Чумаков, а когда все удивленно на него уставились, пояснил: – Реальная историческая личность, супружница римского императора Клавдия. Баба как баба, только пунктик у нее был – ни одного мужика не пропускала. Замучила всех. А муж – импотент, как водится. Да, это оскорбительно и постыдно, – спохватился Чумаков, – такой Рим опозорила...

– Насколько я помню, в Советском Союзе проституции нет, – усмехнулся Черкасов, – поскольку в обществе трудящихся отсутствуют причины и предпосылки для подобных уродливых явлений.

– Тогда пусть отпускают, – развеселился Вишневецкий. – Только адреса надо взять. Пропесочить на собрании коллектива, сделать внушение по профсоюзной и комсомольской линии, вывесить на доску позора – и пусть добросовестным трудом искупают свою вину... А вот с «мамкой» надо разбираться – как-никак эксплуатация женского труда...

– Развеселились вы что-то, – нахмурился Алексей, и все присутствующие тут же стерли улыбки. – Подпольным борделем и взломом сейфа в околотке будем заниматься в свободное от службы время. Все понимают, что сейчас главное? И меня перевели сюда не просто так, чтобы заполнить пустое место, а дабы выявить и обезвредить преступную группу, совершающую резонансные деяния, – он покосился на шкаф, где стояли фото и рюмки с испаряющимся содержимым. Присутствующие проследили за его взглядом и стали мрачнеть.

– Я знаком с ситуацией в общих чертах, – продолжал Алексей. – Пока мы имеем четыре эпизода, и я согласен, что это действует одна группа. Бандиты владеют информацией, жестоки, решительны, умны и хладнокровны. Имеется обоснованное подозрение, что это не блатные.

– Это ни в коем случае не блатные, – покачал головой Чумаков. – Видна выучка. Я знаю, о чем говорю, товарищ капитан. То, как они действуют, это... – Он замаялся, не зная, как закончить.

– Почерк опытных диверсантов... – закричал Коньшев. – Сбор информации – а у них определенно есть свои источники в государственных структурах – планирование, осуществление...

– Так работали диверсанты в войну, – закончил Чумаков. – И наши, и в абвере... Война, слава богу, закончилась, но немцы перед уходом внедрили повсюду своих агентов для ведения подрывной работы. У многих имелись прикрытия, легенды, убедительные биографии и безупречные документы. Немцы рассчитывали вернуться. Этого не случилось. Но внедренные враги остались. Им приходится жить, притворяться законопослушными советскими гражданами. Теперь у них одна цель – нагадить советской власти...

– Согласен, Павел, – кивнул Алексей. – Но цели могут быть и другими. Войну они проиграли, для них все кончено, и опытные специалисты вряд ли скатятся до банального мщения. Понимают, что рано или поздно их поймают.

– Другие соображения? – спросил Коньшев.

Алексей пожал плечами:

– У нашей страны, помимо побежденного рейха, множество других врагов. Их называют, в том числе, «западными демократиями»...

– Почему не допустить банальную жажду обогащения? – спросил Дьяченко. – Отъем воровского общака, налет на хранилище Госбанка – почему нет? Нападение на дом Ивана Гавриловича тоже вписывается в картину – он мог о чем-то проведать. А в последние дни он выглядел задумчивым...

– В картину не вписывается налет на ресторан «Аркадия», – возразил Алексей. – Разве кассу ресторана потрошили? Разве мертвых в зале обчищали? Если и так, много с них возьмешь – по сравнению с тем же банковским хранилищем?

– Да, это так, – согласился Дьяченко.

– С выводами повременим. Предлагаю все восстановить и обобщить. Что мы имеем, с кем мы столкнулись. Все заново, поэтапно, не жалея рабочего времени. Сразу хочу сообщить – субординации можно не придерживаться. Коллегиальные решения – приветствую. Самодурством не страдаю – если не прав, всегда есть шанс мне это доказать. Но требую дисциплины, исполнительности и повышенной работоспособности. Буду спрашивать по полной. Уважаю ваше героическое прошлое, но должен предупредить, что будущее ожидается не менее героическим. Каверзные вопросы? Если нет, давайте начнем.

Они говорили по очереди, иногда начинали хором, тогда приходилось останавливать и давать слово кому-то одному.

12 мая, незадолго до закрытия отделения Госбанка, на привокзальной площади учреждение подверглось налету. Посетителей уже не было, момент подгадали удачный. Возможно, грабители и были последними посетителями, резко превратившимися в налетчиков. Входную дверь заперли изнутри, застрелили двух работников (включая женщину – мать-одиночку, воспитывающую двоих несовершеннолетних детей), двух охранников и еще одного у подземного хранилища – после того, как он им открыл. Никто не слышал выстрелов. Есть подозрение, что налетчики использовали серийные отечественные глушители БраМит, сконструированные братьями Митиными. Людям стреляли в головы, чтобы наверняка. Никаких следов, отпечатков пальцев налетчики не оставили.

Из хранилища похищено порядка 80 тысяч рублей и энное количество облигаций – все, что было на тот день. С улицы казалось, что отделение закрыто, свет не горел. Мимо проходили патрульные, и ничто не привлекло их внимание. Место людное, рядом вокзал. Ушли преступники через заднюю дверь: спокойно открыли, потом закрыли ключом, изъятым у охранника. Во дворах их могла поджидать машина, но опросы жильцов близлежащих домов ничего не выявили.

Тревога прошла только к ночи, когда сотрудники не вернулись домой. Взломали дверь и обнаружили страшную картину – четыре трупа, все залито кровью, хранилище нараспашку, у решетки еще одно тело с ужасом в мертвых глазах... Милиция работала четыре дня не покладая рук, но все впустую. Отделение закрылось по расписанию – значит, налетчики явились к закрытию, при этом не факт, что ввалились толпой...

– Они могли иметь договоренность с кем-то из находившихся внутри, – подметил Алексей, – то есть у них имелся сообщник, которого во время налета они застрелили.

– Всех проверили, – проворчал Дьяченко. – У этих людей не было преступного прошлого. Но могло появиться, эту версию мы тоже рассматривали.

– Чертова загадка, – подал голос Вишневецкий. – Невидимки работали. Или сотрудники сами вскрыли хранилище, припрятали деньги, потом вернулись и поубивали друг друга.

Второе громкое дело – 17 мая. Вечером поступил сигнал от бдительных граждан – из дома 10 по Банному переулку доносились стоны и звуки, похожие на выстрелы. Снова применяли глушители, которые хоть и гасят звуки, но не до конца. Сначала отправили участкового уполномоченного. Тот походил вдоль ограды частного дома, заглянул внутрь. Возможно, так и ушел бы ни с чем, не заметь открытую дверь и торчащие ноги. Работник оказался храбрым, с револьвером бросился в дом. Но сразу вышел, и его тут же стошнило. Потом он побежал за подмогой.

Взорам прибывших оперативников предстало очередное месиво. Труп на крыльце, труп в сенях – при них револьверы, но оружием они не воспользовались. В комнате пятеро, плюс одна женщина (сожительница хозяина дома). Мужчины возрастом старше среднего, по-своему солидные и представительные, чему свидетельством – обилие татуировок. Народ бывалый и опытный, а вот попались. Соседи слышали шум, но ничего не видели. Ну, или почти ничего –

испуганная соседка уверяла, что на крыльцо, выхватывая пистолет, вылетел мужик в кепке, но сразу упал – пуля снесла полголовы. Стреляли ему в затылок, из дома!

Изумленные оперативники облазили весь дом и обнаружили подземный лаз из подпола. Он выводил в заброшенный сарай на краю оврага. Из чего сделали вывод, что это либо староверы, либо воровская хаза. Верным оказалось последнее. Подобные хазы зачастую оснащались лазами на случай внезапной облавы. Отсюда получалось, что налетчики пришли именно по этому лазу! Тем же способом и убралась. Их информированность поражала. Ни одного налетчика вживую соседи не видели. Позднее подключили внештатных агентов и выяснили: имел место воровской сходняк, прибыли уважаемые люди из Пскова, из Витебска, распределяли средства воровского общака. Хата не паленая, хозяин официально трудился сторожем, с блатными не знался. Атака была внезапной – только и успели по первой выпить да икоркой закутить. Уничтожили всех – сначала воров, потом их охрану – то есть шли по дому в обратном порядке...

– Выжившие паханы дотумкали, что это не мы, и впали в ступор, – усмехнулся Дьяченко. – Могу представить, какая у них пошла шпиономания. Это ведь, с их точки зрения, полнейший беспредел.

– Милиции предъявы не выкатывали, что плохо работаете? – улыбнулся Алексей. – А ведь на самом деле плохо, ребята. Ну, ладно, налетчиков прошляпили. Но воровскую-то сходку такого масштаба! И это, имея армию секретных доносителей...

Опера отворачивались и вздыхали.

– Так это самое, товарищ капитан... Алексей... – сделал попытку оправдаться Вишневский. – Во-первых, никакая не армия, а так – двое-трое, из тех, что на компромате. Во-вторых, мы же по банку работали – нас и Черепанов накрутил, и товарищ Нестеренко – лично первый секретарь райкома. Сутками землю рыли, искали хоть какую-то зацепку, без сна вообще. А тут паханы с общаком...

– Подобные мероприятия воры умеют держать в секрете, – добавил Коньшев, – даже чекистам есть, чему поучиться...

– Значит, плохо засекретили, раз банда оказалась в курсе, – поморщился Алексей. – Да уж, эффектно они зашли с бубен... Что дальше?

А дальше, пару суток спустя, был ресторан «Аркадия» – рядом с отделом, через улицу и наискосок! То есть прямой вызов радетелям законности! Комиссия приезжала на бывший химзавод – несколько ученых голов, причем пара из этих голов, по уверению очевидцев, разговаривала по-немецки! При сем присутствовал переводчик. Пара других голов изъяснялась по-русски и имела отношение к некоему столичному институту. Это все, что знает милиция. Все остальное засекретило МГБ и явственно намекнуло, чтобы не лезли. Членов комиссии поселили в гостинице «Заря Смоленщины» и только раз свозили на завод. Потом был роковой ужин в «Аркадии», откуда офицеры госбезопасности заблаговременно удалили посторонних. То есть ресторан был закрыт на «спецобслуживание».

Банда ворвалась с заднего хода, заперли на кухне поваров и пару оказавшихся там официантов (иначе жертв было бы больше) и учинила в зале кровавую бойню. Опять стреляли с глушителями – иначе на этот грохот примчался бы весь отдел милиции! А так никто не слышал, занавески задернуты, по окнам огонь не вели. Волновались только повара. Когда в ресторане стало тихо, они выбили дверь, кинулись в зал, потом с воплями выбежали на улицу... Преступники – меткие стрелки, сначала поразили офицеров, имевших оружие, потом методично отстреливали гражданских и работников заведения. Убито одиннадцать человек, причем зверски – раненых добивали выстрелами в голову, не щадили молодых женщин. Тела не обыскивали – у жертв сохранились часы, деньги. Ушли преступники через черный ход, видимо, просачивались по одному, а там – тополя, сарай, прохожих мало...

– Мы не понимаем, Алексей Макарович, какая преступникам выгода с этого нападения, – развел руками Чумаков, – ведь налет планировали, не могли не планировать. Знали про ресторан, про «спецобслуживание». Но даже копейки на этом не заработали...

– И снова милиция села в лужу, – резонно догадался Алексей.

– День прошел – чекисты забрали это дело, – сказал Коньшев. – Нам же легче. Этот день не дал ни одной зацепки. Чекисты тоже топчутся, что-то не слышно об ошеломляющих успехах. Можете думать что угодно о нашей некомпетентности, Алексей Макарович, – Коньшев приосанился, облизнул губы. – Мы, как проклятые, варимся в одном деле, тут же наваливается второе, такое же безнадежное. Не успеваем осмотреться, как обзаводимся третьим... А нас, как видите, немного, криминальная обстановка и без того сложная, к тому же мы теряем людей...

Последнее – безжалостный удар по самому чувствительному! Такого не ожидали. Два дня прошло после налета на «Аркадию». Капитан Вестовой становился нервным, пару раз связывался с местными сотрудниками ГБ, но о чем шла речь, не открывал. Звонил по межгороду в Москву, но кому и зачем – не докладывал. Ушел с работы на два часа раньше – сказал, что надо кое-что выяснить. Больше его не видели живым.

То, что случилось в Овражном переулке, потрясло всех. На этот раз убийцы не использовали глушители – стреляли направо, бросали гранаты. Знали, что примчится опергруппа, и ее собирались завалить. Отчасти это удалось. Погиб старший сержант Санько, погибла вся семья Вестового.

Опера дали налетчикам достойный отпор, хотя, как сказать... Никого не убили, не ранили. Преступники сделали свое грязное дело и растворились. В ту же ночь, а потом и утром оперативники обшаривали окрестности, собирали гильзы, искали следы. У преступников был богатый арсенал: автоматы «ППШ», «вальтер», «ТТ», гранаты «Ф-1». Ни окурков, ни фантиков от карамелек – только следы кирзовых сапог. А еще Дьяченко, перебегая за баню, видел, как пятится один из налетчиков. Он был из мяса и костей, но попробуй разбери в темноте. Явно мужчина, на роже маска и кепка, рост средний, одежда мешком – очень удобно, если надо скрыть особенности фигуры. Налетчик выпустил очередь из «ППШ», умирать в ту ночь Олегу не хотелось, он грохнулся за дровяник, а когда поднялся, автоматчика и след простыл... И вновь отчаяние с безысходностью. Пустая работа сутками напролет, опрос жильцов частного сектора, похороны погибших...

– Я бы этих тварей к ежедневному расстрелу приговаривал, – чертыхался Чумаков. – Жалко, что можно только раз убить...

– А я слышал, в стране собираются на законодательном уровне отменять смертную казнь, – сказал Вишневский.

– Это как? – удивился Коньшев. – Теперь не будут расстреливать эту мразь? Премии начнут выписывать? Сплетни собираешь, Стас...

– Что по Вестовому? – спросил Алексей. – Анализировали его поведение в последние дни? Куда ходил, с кем общался. Может, проскользнуло что в разговоре?

– Да нет, пустышка, – отмахнулся Коньшев. – Иван Гаврилович умел секретничать – даром, что ли, в разведке служил? Ушел с работы... и – словно растворился. Дома к ночи всплыл, там и подвергся нападению. В местном ГБ уверяют, что никаких звонков от Вестового не фиксировали. Может, врут – у них свои государственные секреты...

– Почему бандитские акции начались только с 12 мая? – спросил Алексей. – Не задумывались? Госбанк и до этого функционировал, но налетов не было. И блатные шныряли, и рестораны работали. А почему только сейчас началось?

– Может, связано с кипишем вокруг химзавода? – предположил Чумаков. – Такое ощущение, товарищ капитан, что город хотят встряхнуть, вывести из равновесия, посеять смуту, а заодно и денег, конечно, срубить.

– Есть еще одна проблема, – буркнул Дьяченко. – Мы не знаем, кто эти люди, а стало быть, не можем следить за их перемещениями. А если они уже легли на дно, уехали из района? А мы тут землю роем. Мы не можем отслеживать всех въезжающих и выезжающих – на это ни людей, ни средств не хватит.

Пронзительно затрещал телефон у Коньшева на столе. Оперативник вздрогнул, уставился на него. Потом устремил вопрошающий взор на Черкасова.

– Ответите, Алексей Макарович? Теперь вроде вам положено.

– Ответь, – поморщился Черкасов. – Ты же рядом.

– Слушаю, Коньшев. – Работник схватил трубку, стал слушать и при этом на глазах бледнел, забегали глаза. Он машинально схватился за карандаш, стал вертеть его в плохо гнувшихся пальцах. Потом ответил севшим голосом: – Понял, будем. – И бросил трубку. – Беда, Алексей Макарович, снова беда... – Голос дрогнул, он закашлялся: – Егор Гундарь звонил: Петров и Куртымов с ним, они на заводе ЖБИ... Снова налет, зарплату привезли, ее обычно в обед выдают... Все деньги похищены, инкассаторов убили... Это наша банда, к вашему приезду, Алексей Макарович, новую акцию приурочила...

– Так, все за мной! – Алексей выскочил из-за стола. – Кабинет закрыть. Надеюсь, вы не пешком по городу бегаете?

Глава третья

Передвигалось милицейское войско на причудливом транспортном средстве под названием «ЗИС-5». Перед, как у грузовика, все остальное – как у автобуса – четыре ряда поперечных лавок, центральный проход. Рядом с водителем – два пассажирских места. Машина предназначалась для перевозки туристов по здравницам Крыма и Кавказа, в связи с этим салон был открытым. Ничего другого для милиции не нашли.

Хорошо хоть местные мастера приварили к кузову стальные дуги, и теперь при необходимости салон мог закрываться брезентовым тентом. Но все равно щелей хватало – в зиму даже печка не помогала. Плюс заключался в том, что при высадке можно было просто перепрыгивать через борт.

Машина гремела, тряслась, но бегала быстро. Управлял автомобилем незнакомый усатый сержант – за всю дорогу он не промолвил ни слова.

Завод находился в Авдотьином переулке – занимая всю четную сторону. До южной окраины Уварова – рукой подать. Бетонные заборы, рваные клочки колючей проволоки, скопление частных домиков на другой стороне переулка. Завод занимал несколько кирпичных корпусов и один продолговатый деревянный – в нем находились заводоуправление и столовая.

Въезжали через задние ворота, они не запирались, в случае необходимости створки просто связывали проволокой. На заднем дворе стояла единственная машина – инкассаторский «ГАЗ-АА» с железной будкой. На нем и прибыли на завод очередные жертвы.

Основные цеха и главный вход находились с другой стороны, там уже развертывалась цепочка милиционеров, чтобы не пускать любопытных.

Опера выпрыгивали из салона. Алексей отдавал распоряжения:

– Вишне夫斯基, осмотреть машину инкассаторов! Чумакову: директора завода сюда, кого там еще?! Дьяченко, марш в частный сектор, всех опросить – может, люди видели, кто пользовался этими воротами, кроме инкассаторов...

За пустырем, на торцевой части здания имелось единственное крыльцо. Два окна забраны решетками. Здание прорезал длинный коридор. В первом приближении все ясно: инкассаторы не любят людных мест, а здесь, на задворках, всегда пусто. Подгоняют машину вплотную к крыльцу, автоматчик обследует коридор. Если все чисто, вносят деньги в банковских мешках. Коридор выводит в бухгалтерию – там касса. Деньги выдают с обратной стороны, а сюда рабочие не ходят.

– В машине труп, – хмуро информировал Вишне夫斯基. – Под баранкой свернулся – водитель...

Кто бы сомневался? Значит, внутри еще трое. Так и оказалось. Охранник с автоматом обследовал коридор. Дойдя до кассы, вернулся, сообщив, что все в порядке, товарищи извлекли мешки, стали втягиваться в коридор... Смерть настигла их на середине пути. Три тела в армейских гимнастерках лежали, как и шли, друг за другом, ничком уткнувшись в пол, даже автоматы не успели скинуть.

Весь пол в крови. Людей расстреливали в затылки, методично – сначала одного, потом другого, потом третьего. В дальнем конце коридора маячил бледный милиционер с приказом разворачивать всех любопытствующих.

Над трупами колдовал незнакомый субъект – невысокий, жилистый, лысоватый, с искривленным носом. Он поднялся, отряхнув колени, перехватил выразительный взгляд Конышева, исподлобья уставился на незнакомую личность.

– Черкасов, – сунул пятерню Алексей. – Прислан командовать в ваш отдел.

– Старший лейтенант Гундарь Егор Михайлович, – проворчал субъект. – Это я звонил в отдел. В Барышево ездили на зону – имелось предположение, что уши оттуда растут. Про-

щупывали, так сказать, обстановку: как у них с режимом, с контролем над заключенными. Обрато на «газике» возвращались, решили срезать по Старопромысловской, чтобы в объезд не пылить, смотрим – суета у заводоуправления, а это как раз на той стороне, – он махнул рукой. – Решили остановиться, выяснить, что такое. Ну, и вот... Куртымов за должностными лицами побежал, Петров народ в частном секторе опрашивает...

– Что тут случилось, Егор?

– Не остыли еще... – он кивнул на трупы. – Это военизированная банковская охрана, бывшие фронтовики, а вот попались, как первоклашки... Когда я звонил, прошло минут пятнадцать с момента преступления, они еще теплые были. Теперь, значит, примерно полчаса. Криминалисты еще не подъехали, но тут и без них все понятно. Знакомая манера... Вы уже в курсе про нашу банду? Имеет место элементарная халатность. Это неправильно, что деньги всегда заносят с черного хода. Не тех боятся – добросовестных работяг как раз бояться нечего. Толком не проверили маршрут, просто коридор осмотрели. Оттуда они вышли, – кивнул он на приоткрытую дверь между труппами и выходом на улицу. – Эта часть здания не используется, здесь пустые помещения. Реорганизацию заводоуправления провели, сократили штат, и освободились площади – их теперь под склады и бытовки используют...

– Но охранник, прежде чем нести деньги, должен был осмотреть все помещения – разве так не положено по инструкции?

– Конечно, положено... Но двери, как правило, заперты на замок, а ключей у охраны нет, да и не будут они все комнаты осматривать – это такая морока. Убедился, что двери заперты, и побежал к своим, мол, путь свободен. А преступники, я думаю, вошли заранее, заперлись на ключ, который сделать не сложно, дождались, пока охранник пройдет взад-вперед...

Алексей дошел до двери, сунулся в помещение. Здесь раньше был рабочий кабинет, сейчас он не использовался. Зарешеченное окно, столы и шкаф сдвинуты в угол, мусор на полу, несколько стульев. В углу, свободном от мебели, стопки пыльных гробсбухов.

Он вошел внутрь, бегло осмотрелся. Никаких смежных помещений, решетка прочная, ничего похожего на вентиляционные отдушины. Замок на двери в нормальном виде – самый простейший, к такому несложно подобрать ключ или выпилить самому, имея слепок или оригинал. Поколебавшись, Черкасов вышел обратно в коридор.

– Вот и преступники так же вышли, как вы сейчас, – прокомментировал Гундарь. – Только протопали служивые с денежными мешками, как они и вышли, или один из них. На стволе глушитель, стал стрелять со спины. Положил всех по очереди. Они и понять-то не успели. Так и было, точно вам говорю. Били густо, пуль много летело. Я осмотрел ту стену, – он кивнул в глубину коридора, – видите, где милиционер стоит? Там как минимум четыре пули в стене – значит, не все нашли цель...

– Выйти могли только через задний ход, верно? – кивнул Алексей на дверной проем.

– Получается, так, – пожал плечами Гундарь. – Могли взломать какую-то из комнат, отогнуть решетку, выбраться в боковой двор. Но к чему такие сложности? Там и на людей нарваться можно, а на заднем дворе – шаром покати, и ворота на соплях болтаются. Наудачу работали, понимаете? Лихие люди, ничего не боятся, и все у них получается...

– Но когда-нибудь проколются, – проворчал Алексей.

Во двор въезжали машины, коридор наполнялся народом. Возились криминалисты: пожилой Сергей Борисович Варшавский, бывший военврач, а до войны главный специалист в одном из столичных моргов, и его молодой «подмастерье» Кошкин – недавний выпускник Уральского мединститута, еще не научившийся не шарахаться от покойников.

– Америк не открою, Алексей Макарович, – ворчал криминалист. – Стреляли в затылок с близкого расстояния: на черепах налеты пороховой гари. Рискну предположить, что это «ТТ», причем не один. Время смерти, судя по проколу печени, – минут сорок-пятьдесят. Позднее выдадим конкретное заключение. Того, что в машине, уложили в последнюю очередь, когда

покидали здание. Парень успел напрячься, потянул к себе автомат, по глазам видно, что все понял... Двумя пулями его порадовали, гм... Одна в боку, другая пробила височную кость... По отпечаткам пальцев и следам мы, конечно, поработаем, особенно в той комнате, где они сидели, но опыт подсказывает, что это пустое занятие...

Мялась, бледнела и норовила рухнуть в обморок женщина, обнаружившая трупы. Она работала в бухгалтерии, вышла покурить. Ждали инкассаторов с деньгами, в кассе к их прибытию все приготовили. Бдительно несли службу заводские охранники.

Ей послышался шум за изгибами коридора, но инкассаторы не выходили. Дама вышла через боковой проход в длинный коридор, где все произошло, и обнаружила жуткую картину. Подойди она пораньше, ее бы тоже убили. Сначала она не поняла, заспешила по коридору, споткнулась о тела, закричала в ужасе. Божилась, что слышала шум отъезжающей машины, но ничего сквозь узкий проем не видела. У бедной подкосились ноги, она ушла обратно, держась за стенку, подняла истошный крик. Потом коллеги отпаивали ее нашатырем. Вызвать милицию не успели – она сама словно почувствовала, что должна быть здесь.

Алексей задумался: женщина слышала шум отъезжающей машины. Врать ей незачем, и такое трудно нафантазировать. Значит, была машина! И инкассаторы, въехавшие во двор, не могли ее не видеть. И никаких мер не предприняли. Хотя что тут предпримешь – стоит себе пустая машина. Не повод разворачиваться и обращаться в бегство...

Дьяченко и Петров, с которым он еще не познакомился, опрашивали жителей частных домов. Алексей отправил к ним на помощь Чумакова с Вишневым – все равно без дела стоят – и дал наказ без информации не возвращаться.

Прибежал бледный, похожий на вяленую воблу, директор завода Жариков Павел Афанасьевич, начал требовать от милиции немедленного реагирования.

– Почему вы не работаете, товарищи милиционеры?! – возмутился он, бледнея и заикаясь. – Как вы такое позволили? Вы немедленно должны вернуть наши деньги! Вы представляете, что это значит? Это же зарплата всего завода за апрель месяц, 59 тысяч рублей! Я буду жаловаться в область на ваше бездействие! Это невероятно, это уму непостижимо!

– Уймите прыть, Павел Афанасьевич, – осадил его Алексей. – Не советую перекладывать с больной головы на здоровую. Органы работают, а вот к вам и вашим подчиненным, боюсь, возникнет тройка-другая вопросов. Почему вневедомственная охрана не контролирует задний двор? Почему ворота в плачевном состоянии и даже не запираются? Почему инкассаторы, прибывающие на завод, оказываются в вакууме? Это ваша обязанность – содействовать безопасности банковских работников на территории завода. И за эту халатность вам придется ответить.

Жариков заикался от волнения, хватался за грудную клетку – и призрак справедливого наказания за «ряд недостатков в организационной работе» напрягал его больше, чем факт, что без средств к существованию осталось больше ста человек. Секретарь заводского парткома товарищ Ненашев, хмурый мужчина с единственным пальцем на левой руке (почему-то указательным), вел себя куда сдержаннее и рассудительнее.

– Не спешите делать выводы, товарищ капитан, – бормотал он, раздраженно кусая губы. – Мы же понимаем, что столкнулись с фактором случайности и внезапности. Даже в самой безупречной охране можно найти изъяны. Если преступление тщательно готовится, очень трудно от него уберечься. На заводе беспрецедентные меры безопасности. Вневедомственная охрана усилена. Раньше деньги привозили трое, теперь четверо. Раньше имели только пистолеты, теперь вооружены автоматическим оружием. Просто преступники нашли брешь в нашей системе защиты... И не надо смотреть с такой иронией, товарищ милиционер, – начал нервничать и заводиться председатель парткома. – Вы еще меня обвините во вредительстве и недобросовестности! Мы из сил лезем, чтобы наладить производство, вносим достойную лепту в восстановление страны! А Павла Афанасьевича я знаю много лет. У него награды за самоот-

верженный труд в тылу, он все свое время уделяет заводским вопросам, живет в аскетизме и строгости, свою зарплату получает в последнюю очередь, когда получают все...

– Товарищ Ненашев, вы мешаете работать, – поморщился Алексей. – И не надо обобщать. Нас всех воспитывали в аскетизме и строгости. Речь идет о конкретном вопиющем случае халатности.

Председатель парткома отошел на задний план, но продолжал присутствовать, контролируя происходящее. Алексей сомневался, что этот тип доставит неприятности. Не та птица. Но директора завода он будет выгораживать до последнего, прекрасно понимая, что тонуший директор потянет за собой и его.

– Здравствуйте, Алексей Макарович, – протянул руку рослый, немного нескладный мужчина с постным лицом и белесым шрамом на подбородке. – Я Куртымов, Леонид Куртымов, старший сержант милиции, мы с вами еще не виделись. Я опрашивал работников бухгалтерии... вернее, работниц. Там одни бабы, гм... Все испуганы, толком сказать ничего не могут. У сотрудницы Малышкиной один из убитых – родной брат, ее все там в чувство приводят... Начальник заводской охраны вообще в ступоре, и мне кажется, он уже настроился на арест и сибирские лагеря...

– Словом, все глухо, Леонид? – вздохнул Алексей.

– Пока да, товарищ капитан. Боюсь, это все та же банда... Вы же слышаны о ней?

У сотрудника было протяжное «окающее» произношение.

– Ты с Вологды? – спросил Алексей.

– Так точно, товарищ капитан, оттуда, – кивнул работник, делая понятливое лицо. – Служил комвзвода на Карельском фронте, потом в Ленобласти, на Псковщине. Ранение получил под Кандалакшей, полгода в госпитале провалялся... Катька моя, с которой под Псковом познакомился, когда вытаскивал ее с дочуркой из горящего дома, в госпиталь ко мне приехала, помогала выхаживать, там и поженились... Войну закончил, предложили работать в милиции, приехал на Смоленщину по распределению... Я тут подумал, товарищ капитан... – сотрудник сглотнул, – а что, если у них сообщник на заводе? Он все и подстроил, выведал, как действуют инкассаторы, подготовил помещение, сделал ключ...

– С таким же успехом один из активных членов банды может иметь прямое отношение к заводу, – пожал плечами Алексей. – А также к Госбанку, воровскому сообществу и ресторану «Аркадия», где у преступников также все срослось. Это из области фантастики, Леонид. Но версия, в принципе, рабочая, поскольку никем еще не доказано, что во всех случаях действует одна и та же банда...

С опозданием прибыл Виктор Андреевич Черепанов. Угрюмо выслушал доклад криминалиста, руководителя опергруппы, мрачно посмотрел, как прибывшие санитары укладывают тела на носилки и уносят в машину.

– Не смогли предотвратить, Алексей Макарович? – Он глянул тяжело, с неодобрением.

– А вы увольте меня, Виктор Андреевич, – посоветовал Алексей. – И примите такого работника, который через час после назначения сможет предугадать, где и когда банда нанесет очередной удар. Это же так просто.

– А вам палец в рот не клади, капитан. – Майор явно что-то додумывал и переосмысливал. – Ладно, не обижайтесь, я все понимаю. Просто отчаяние берет – теряем хороших парней за просто так. А людям теперь как жить прикажете? У всех же дети, старые больные родственники. Они и так без выходных пашут, дают стране угля, как говорится... Или чего там они дают – железобетона... Уж постарайтесь, Алексей Макарович, сделайте все возможное. Вмешиваться в вашу работу не буду, но за неудачу могу и спросить...

Он проводил глазами машину с трупами, злобно сплюнул и ушел общаться с руководством предприятия. Вернулись возбужденные Чумаков с Вишневым. Их сопровождал коренастый субъект лет тридцати пяти с простоватой щекастой физиономией.

– Кое-что узнали, товарищ Черкасов, – сообщил Чумаков. – Коляше надо «спасибо» сказать, умеет подкатить к людям...

– Приветствую, товарищ капитан, Петров моя фамилия, Николаем звать, – представился последний член группы, – мы по частному сектору работали – там огороды четырех участков в переулок выходят. В общем, такой расклад. Человека будить пришлось – жена не давала, он со смены с хлебозавода вернулся, покурил на крыльце, а потом спать улегся... Так вот, пока курил, все и видел... Ну, не все, а кое-что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.